Широка душа народа русского

О "загадочной русской душе" написано огромное количество книг и статей. О ней рассуждали многие философы и политики, лирики и поэты. Каждый старался понять и раскрыть наш национальный характер, вспоминая широту русской души, сострадание и милосердие.

К лучшим русских качествам души непременно относятся ин-

тересы своей семьи, счастье и благополучие детей. Нам характерен "голос совести" и тяга к справедливости. Доброта и гостеприимство, отзывчивость, чуткость, незлопамятность, жалостливость и готовность прийти на помощь.

Мы открыты и прямодушны, понимаем юмор и сами умеем шутить. Широта русского характера позволяет не ограничивать размах решений, раскрывая при этом замечательный творческий потенциал.

Русские люди невероятно терпеливы и толерантны, а наша религиозность и набожность существуют в душах даже закоренелых атеистов.

Можно довольно долго перебирать яркие черты нашего национального характера и все равно до конца не раскрыть широту и загадочность души простого русского человека.

Нас повсюду окружают люди, которые удивительным образом собрали в себе все упомянутые человеческие качества, и среди них жительница деревни Лужница Евдокия Кирилловна Маркина.

Эта женщина является ярчайшим примером колоритного деревенского человека. С ней можно бесконечно долго разговаривать,

и это общение не приедается, а наоборот, раскрывает все новые и новые стороны ее многогранной души.

Всю свою жизнь Евдокия Кирилловна прожила в Лужнице. Родилась в 1931 году в семье простых крестьян. Как и все местные жители того времени, пережила тяжелые голодные военные годы, полные лишений и страданий. До сих пор в ее памяти, нет-нет, да и всплывают картины жуткой лужницкой трагедии, когда фашисты заживо сжигали односельчан на краю их деревни.

После освобождения района от оккупации Дуня пошла работать в колхоз. Трудилась наравне со взрослыми. Вручную приходилось делась всю тяжелую работу, отведенную по наряду. Даже мешки с рожью носили на себе с Подписной станции Кировского района в колхозные сушилки.

- Детка моя милая, тяжело нам было после войны. Одеться было не во что, - рассказывает Евдокия Кирилловна. - Нечего было ни подвязать, ни подобуть. У меня одна кофточка была, и та со рваной спиной, да костюмчик рубчиковый. Но, не смотря на бедность, мы не унывали, а вечерами собирались вместе и пели, играли и танцевали.

Я всегда участвовала в художественной самодеятельности. С концертами в какие только деревни мы ни выезжали. У меня были старинные платья, рубахи, поневы, коротчики из сукна, занавески, шали, лапти. У нас в деревне раньше так одевались. Вот в них наряжались и выходили на сцену. Потом много из этих вещей в культуру отдала. Надеюсь, они не пропали даром, а сохранились для потомков.

- А кем только мне ни приходилось работать в животноводстве! - продолжает свой рассказ Е.К. Маркина. - Четверть века ухаживала за поросятами, была овчарой, сама стригла овец, работала телятницей, конюхом и дворником. Утром мы как уходили в колхоз, так допоздна и работали. Ни выходных, ни праздников у нас не было, но жили весело. Всегда и на сцене пели, и с концертами в другие деревни ездили.

Музыкальных инструментов никаких не было, так балалайку себе делали на колышке. На лучинку гвозди забивали и наматывали проволоку, чтобы потом играла. Также игрульки делали еще на коробках и гребенках.

Евдокии Кирилловне немало пришлось потрудиться на своем веку до ухода на заслуженный отдых. Ее нелегкий труд ценили, и Е.К. Маркина всегда была в почете в колхозе "Верная жизнь".

Помимо дел общественных у нее хватало и домашних забот.

Выйдя замуж, женщина понимала, что свое истинное счастье может найти в детях. Так оно и случилась, когда на свет появились пятеро дочерей и сыновей.

Первой в молодой семье в 1959 году родилась Валя. Сейчас она с семьей живет в Москве. Следом за ней в 1961 году появилась Галина. Она живет в Белгородской области. Николай родился в 1964 году и со временем свою жизнь уехал устраивать в Калугу. Людмила порадовала родителей своим появлением на свет в 1969 году. После учебы в школе она стала москвичкой. Таня родилась в 1970 году и, повзрослев, уехала в Кемерово.

- У меня большая семья, - говорит Евдокия Кирилловна. - Со мной насчитывается 27 кровных душ - пять детей, десять внуков и одиннадцать правнуков. Это ли не счастье? А я вам скажу точно - счастье! Мои дети воспитаны так, что дурного слова не смеют сказать при мне. Я сама дома не бранюсь, так и детям всегда наказывала. В нашем дворе ругани никогда не было. Надеюсь, они и своих детей, и внуков правильно воспитывают.

Несмотря на свою занятость в колхозе, наличие пятерых детей, Евдокия Кирилловна всегда славилась в деревне мастерицей. Она много вязала крючком, вышивала крестом и гладью, шила, пряла, ткала и вязала на спицах. Ее уникальные работы неоднократно демонстрировались на выставках народного творчества. А заезжие городские этнографы и собиратели фольклора, знакомясь с этой женщиной, всегда старались увезти с собой что-нибудь из ее рукоделия и творчества.

- Я всю жизнь много пряла на "санопрядке", она и сейчас у меня сохранилась (так Евдокия Кирилловна называет свою самопрялку). - Прошлый раз села, так 12 котелок как одну и напряла, а потом зимой носки вязала. Пальцы уже не те, но меня хоть хлебом не корми - все равно вязать буду. Люблю это дело.

Детка моя золотая, я вяжу себе в удовольствие. Сяду телевизор смотреть и спицы в руки беру. Вот навяжу носков и рукавиц, а потом всем на подарки раздаю. Пусть память обо мне добрая будет.

Я раньше держала по пятнадцать овечек и по пять поросят. У меня во дворе всегда было две коровы, а кур - так и не считано. А старая стала, дети сказали: "Мама, в сарай больше ни шагу!" Ну, и куда мне одной теперь держать столько скота? Годы уже не те.

Рассказывая о своей жизни, Евдокия Кирилловна достала из чулана большой мешок и вывернула на пол его содержимое.

- А это пряжа на холстину. Ее я тоже сама пряла на станке. Видишь, как тонко и ровно напрядено. Сейчас руки уже не те. Так уже не получится. А раньше помногу пряли.

Евдокия Кирилловна попробовала разорвать тонкую нить. Удалось это сделать с большим трудом.

- Крепкая еще, не слежалась, - пояснила женщина. - Я своими руками многое в жизни делала: крючком вязала, вышивала крестом и гладью, лапти на колодках плела, лен гребнем чесала, а потом его на станке пряла. Станок и сейчас еще в коровнике стоит.

У меня все сохранилось - есть бёрда, которые сложены из тонких лучинок, набелки. Это такие штучки, которыми пришлепывают нить, когда лен ткут, а потом его на пришву накатывают, - поясняет Евдокия Кирилловна. - На станке есть еще вьюшки и челноки. Пряжа на цевку накатывается. Колик вдевается в санопрядку, и она потом крутит. Там цевка сделана из чернобыльника, она в рогульку втыкается…

Я внимательно слушала рассказ женщины и, хотя не всегда понимала, о чем идет речь, восхищалась ее колоритностью, богато сдобренной местным диалектом.

Лужницкий говор до сих пор заметно отличается от обычного даже на фоне нашего района, но у Евдокии Кирилловны речь получается особенно интересной. В каждом обращении она восторженно добавляет: "детенок мой любимый", "детка моя золотая", оттого ее рассказ становится еще душевнее и трогательнее.

Евдокия Кирилловна также по-

казала мне рушники с богатым кружевом, выполненные опять же своими руками.

- Эти, вот, - вышитые, а эти - перетыканные. Видишь, по холсту красная нить идет, она и создает рисунок. - У меня же сын Коля недавно умер, так вот, когда мы его хоронили, как положено, рушниками обвязали и его, и крест, и тех, кто гроб нес. А как же по-другому? В последний путь человека надо правильно проводить.

Всплакнув, женщина разложила на диване удивительные творения своих рук, выполненные с особой любовью и аккуратностью.

Рассматривая все это богатство, я удивлялась, откуда она брала время и силы на рукоделие после нелегкой работы в колхозе и бесконечных дел дома?

А еще в деревне Евдокия славилась своим необыкновенно вкусным и душистым хлебом. Соседи часто просили испечь его на заказ, дети увозили с собой в города, а гости всегда радовались, когда к столу подавалась коврижка настоящего ржаного русского хлеба.

- Детка моя, сейчас я уже два года дежку в руки не беру. А раньше большими коврижухами пекла. И очень часто пекла. Да так, что печку свою сожгла.

Бывало, картох трехлитровый чугунок сварю, тогда их потолку, мучицы ржаной добавлю вперемежку с белой, (так оно будет лучше), а тогда водицы плесну. А потом дрожжец кину. Поставлю в тепло. Утром тесто замесю. Если вижу, что кисловато, сахарку добавлю. Тогда оно и подойдет, правильно вздуется. На большую деревянную лопату кленовый лист положу, на него сверху коврижку - и в печку задвину. И, как пить дать, хорошо зажарится. А потом скрылочку отрежешь, а он духмяный! И сто годов не над магазинный!

Мой хлеб даже в Москву возили. А теперь, детка, погляжу на свои руки, думаю - замесю хлебушка. А нет, плохи стали суставы, уже так не сгибаются, как раньше.

Дети приедут, спросят: "Мама, когда хлеб печь будешь"? А я им говорю: "Вкинуть - вкину, а месить - сами месите. Руки мои уже не грабают".

Силы уже, конечно, не те стали, что раньше были. Но все равно еще сама плугом огород сажаю. Без лошади. У меня есть свой небольшой плужок на колесике, вот я его толкаю вперед и пашу. Плужок прогоню - грядку сделаю. Картошку покидаю, а потом следом запашу. Сама весной зеленя посеяла, и сама запахала плужком. Глянь, как взошли. Один к одному ростки.

Всего у меня с домом соток пятьдесят имеется и всю землю сама обрабатываю. Нынче половину огорода горчицей засеяла. "Американка"-паразитка одолела. Никакого с ней сладу нет… Может, горчица поможет.

- Дети нынче приехали, увидели, что уже все посажено - очень ругали меня, что себя не берегу. Ехали же в деревню помогать, а я уже и сама справилась. Надо двигаться, пока силы есть, - продолжает свой рассказ Евдокия Кирилловна, - Я поэтому и газ в дом проводить не хочу. У меня и воды нет. Люблю русскую печку. От нее дух другой в хате. Вот блинов себе наколтала. Они на загнетке постоят, утомятся - мягкие становятся, пышные. И как в доме без печки? Ее натопишь - жизнь по-другому смотрится.

Да и коты мои печку любят. Они у меня, как телята, - наедятся и лежат. А когда я болела, они от меня не отходили. Все мне ягодки лизали.

Я удивилась:

- А что такое "ягодки"?

- Ну как же, детка моя любимая, это же ямочки на висках. Мы, старые люди, их все ягодницами называем.

В доме Марковой часто бывают гости. Одни приезжают из Москвы за фольклором, других интересуют предметы старины. Побывав однажды у бабы Дуни, люди обязательно приезжают опять. А она как истинно русский человек с широкой душой и большим сердцем с неподдельной радостью встречает гостей и делится с ними всем, что накопила за долгие годы своей жизни.

Текст и фото
Веры МАРТЫНОВОЙ